

Столярова Ю.

**808, Медсестра
для киллера**

16+

Юлия Александровна Столярова SOS, медсестра для Киллера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65048047

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96194-4

Аннотация

О чем может мечтать выпускница медицинского колледжа? Конечно же о практике в местной больнице! Так вот, по благу, так сказать, я туда попадаю на стажировку с возможностью дальнейшего трудоустройства. Все было замечательно ровно до того момента, пока я не поняла, что боюсь безумно крови и странных врачей с замашками убийцы. Кто бы мог подумать, что моя карьера полетит коту под хвост из-за одного очень принципиального, невыносимого и просто красивого врача, поставленного мне куратором.

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	18
5	24
6	29
7	33
8	37
9	42
10	47
11	51
12	55
13	60
14	64
15	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлия Столярова

SOS, медсестра для Киллера

1

О чем может мечтать выпускница медицинского колледжа? Конечно же о практике в местной больнице! Еще совсем зеленую, не имеющую никаких навыков как таковых, меня отправляют в местную больницу на стажировку. Мама договорилась со своей подругой – главным врачом нашей небольшой районной больницы на мою практику с дальнейшим трудоустройством, если покажу отличные результаты. В себе я совершенно не сомневалась, держалась уверенно до последнего, а точнее ровно до того момента, пока меня не познакомили с моим куратором на время практики. Никогда бы не подумала, что среди врачей бывают такие сухари. Чем-то этот человек напоминал даже внешне нашего преподавателя по химии, который твердил нам из года в год: "Вы все не сдадите мой предмет!". Именно первое мнение, как правило, играет важную роль. Жаль я не прислушалась к нему из-за своего неописуемого восторга оказаться при деле и желании помогать всем и вся.

Итак, по порядку. Иду радостная, почти поющая под нос песенки по длинному коридору больницы. Ничто не предвещало беды, разве что пришлось ждать Веронику Андреевну с операции три часа. Но я упертая, в деда, тот пойдет на пролом, если ему приспичит. Появляется на пороге приемной Вероника Андреевна, я встаю со своего места, она мне машет рукой – мол подожди минут пять, я не в состоянии говорить с тобой. Плюхаюсь обратно. Мама специально для такого важного события подобрала мне легкое желтое платье с пышной юбкой выше колен. Сказала, что не в профессию, так замуж точно выпорхну. Ну я-то уж точно знаю, что пока весь мир не спасу, никаких замуж не будет! Проходит три минуты, считаю на дедовом секундомере. Отец, когда бросил семью, вручил мне эту штуку и сказал, переполненный гордости: "Береги себя и маму, ты у нас сильная девочка!". Наверное, такие слова, как правило, говорят отцы сыновьям, отправляясь на войну.... В моем случае я оказалась действительно опорой для мамы, а папа отправился далеко не на войну, а на поиски своего драгоценного мужского счастья. Так вот, совсем сбилась с курса. Ровно через три минуты в приемную заходит мужчина в синем врачебном костюме, покрытом багровыми пятнами. Мясник что ли какой-то? Врачи выглядят куда культурнее этого чудака. Может, Вероника Андреевна заказывает фарш, рульку прямо в свой кабинет? Мало ли в жизни бывает, некогда человеку ходить по магазинам, а тут сервис на высшем классе! Тем

более последнее время все больше набирает обороты бизнес онлайн, дистанционный. Надо будет попросить у нее номер этого мясника, буду тоже с дивана заказывать себе целых поросят.

После того, как мясник пропал за дверью главного врача, прошло еще две минуты, и меня пригласили, наконец, внутрь сокровищницы нашей больницы. Именно сокровищница, так как тут стояло оборудование гораздо дороже всей нашей больницы в целом. Это ж как любят нашу Веронику Андреевну, создавая такие чудесные условия на работе!

– Присаживайся, Женя, – говорит мне сухо Вероника Андреевна, не смею не слушаться, плюхаюсь в ближайшее кресло. Мясник с натянутой по самые брови испачканной маской, по-моему, спит за столом, делая вид, что весь во внимании нашего сейчас разговора. Что ему тут надо? Я же не ветеринаром училась быть, а медсестрой! Тем временем Вероника Андреевна продолжает:

– Я очень рада, что ты будешь проходить стажировку в нашей больнице, – ага, как же! У нее медсестры скоро будут штабелями валяться, девать некуда. Вот врачей беда – не хватка жесткая, но где же их взять, – Хочу тебя познакомить с твоим непосредственным начальником и куратором на время практики – Киллер Мстислав Юрьевич.

– Ну по нему и видно, что он Киллер, – оценивающим взглядом я присмотрелась снова к измазанному с ног до головы мяснику и продолжила развивать свою мысль, – Веро-

ника Андреевна, а вы уверены, что это достойный и профессиональный куратор для меня? Я на ветеринарии не специализируюсь.

Мясник сразу же проснулся, стянул с глаз свою замызганную маску и хрюкнул со смеху. Вероника Андреевна проявила величайшее терпение, спокойно, как неразумному ребенку стала объяснять:

– Это лучший специалист у нас в больнице. Тебе очень повезло, Мстислав Юрьевич, как раз ищет себе медсестру для приема в поликлинике и в отделении. Работы много, дорогая моя, – вот тут я ощутила, что оскорбила женщину своей фразой, потому что поняла – влипла по полной, ни дня для продыху мне не будет!

Несмотря на то, что поступила не очень корректно по отношению к маминой подруге, за что получила уже минус месяц выходных в карму, мы с мясником сканировали друг друга внимательными взглядами. Я думала о том, что меня обманывают и он все же ветеринар, а он решил озвучить свои мысли:

– Тебе хоть восемнадцать есть, девочка?

– Мне девятнадцать будет через два месяца, – обиженно поджала губы я, ощущая на себе две пары пристальных глаз.

– Мстислав Юрьевич, я поручаю вам Женечку на личный контроль. Очень надеюсь, что вы не напугаете девочку, и скоро она будет официально у нас работать, – произнесла Вероника Андреевна, радуясь тому, что нашла на кого меня

спихнуть и что дело быстро разрешилось. Но оказалось, что этот самый мясник тоже колок на язык и не рад моему появлению в его жизни:

– Вот еще. Вечно наберут по знакомствам невесть кого, а мне с этим работай!

После этой фразы у Вероники Андреевны почему-то поползли глаза на лоб в прямом смысле этого слова. Бинго, наказания с выходными сегодня обрела не только я, но и мой непосредственный начальник напросился:

– Мстислав Юрьевич, вы знаете, вы заведующий отделением хирургии, а вот с приемами туговата, нужно увеличить часы, людям мало времени, вот очередная жалоба пришла, – она показательно помахала перед лицом мясника пустой бумажкой.

Мужчина явно был не рад такому повороту событий, побелел, что теперь его грязно багровый халат казался солнцем ярким на фоне его мертвенно-бледной кожи. Мне даже показалось, что у него все признаки предынсультного состояния. Но, слава богу, мужчина встал, громко задвинув за собой стул и зло кинул в мою сторону, уже подходя к двери:

– Иди за мной, горе луковое!

И с чего бы мне быть луковым горем? Я хорошо отношусь к луковичным, а горе пока никто со мной не знал....

2

Мстислав Юрьевич, не заикаясь и не картавя, но лицо все-таки на одну сторону перекошилось, говорил инструкции:

– Ничего без спроса не трогай. Сейчас поработаем в отделении, завтра придешь в поликлинику – начнем с тобой прием.

Я молча кивала. На все согласна, главное научите меня спасать людей! На всякий случай поглядывала на лицо врача – вроде не перекашивает его больше. Вполне себе пышущий здоровьем человек, а минуту назад чуть инсульт не трепанул.

– Беречь себя надо, Мстислав Юрьевич, – вырвалось у меня.

– Вот я и берегу свою психику. Если тронете хоть какой-то инструмент – отправлю в санитарки! – повернулся ко мне резко наставник, что я невольно врезалась ему в грудь. В горле застрял металлический запах крови от его спец одежды. Резко мир зашатался вокруг, к горлу подступила тошнота, сразу же отзываясь о себе характерными каркающими звуками. Слышу где-то на заднем фоне голос своего куратора:

– Твою ж. Наберут по объявлению! Маша, неси скорее тазик для новой медсестры!

Не успела молоденькая медсестра меня спасти от позора, как спец одежда моего куратора дополнилась еще несколькими выразительными узорами и характерными запахами.

На кончиках пальцев стряхнула невидимую пыльцу с плеч Мстислава Юрьевича и проговорила виновато:

– Меня еще ни от одного мужчины так не тошнило, как от вас, Мстислав Юрьевич!

Куратор недовольно сверкнул глазами, погрозил мне пальцем, пытаясь совладать со своим гневом, в итоге вылил его на бедную Машеньку, хихикающую в кулачок:

– Чего ты стоишь тут без дела? Иди заполняй свои бланки, Маша! Бегун из тебя так себе....

Господи, как же неудобно-то. Опустила глаза в пол, стараюсь не смотреть на грязную одежду светила хирургии нашего маленького города. Маша проводила взглядом начальника, потом повернулась ко мне, говоря с улыбкой:

– Я Маша, сижу на посту. По всем вопросам можешь ко мне обращаться. Мстиславу Юрьевичу полезно иногда опуститься на грешную землю, а то ходит вечно, задрав нос, а все медсестры помы в отделении слюнями закапали – зовут его на свидание, а он у нас недоступный.

– Так, может, женатый, – предположила я, вытирая рот ладошкой, – Я Женя. Очень приятно познакомиться.

– Взаимно, – просияла Маша, – Он холостой. Трудоголик. И день и ночь в отделении.

Мысленно подумала о том, что я теперь тоже трудоголик. Интересно, как к этому отнесется Мишка – мой парень и по совместительству будущий медбрат. Я ему даже не потрудилась сообщить, что за неделю до экзаменов отправилась на

стажировку. Вот шума-то будет. Маша показала мне отделение хирургии, в целом десять палат, забитых наглухо. В девятой не выдержала и спросила у переломанного мужичка, у него ноги еще так забавно болтались у потолка почти, как на карусели:

– Что ж за сезон у вас, все переломанные! Признавайтесь, специально ноги переломали, чтоб к нашему светилу попасть на прием?

– Бу-бу-бу, – проговорил недовольно мужчина, у него еще и голова оказалась перемотана со всех сторон, даже рот замотали зачем-то. Может, много говорил? Маша посмеялась над моим профессионализмом, а вот переодевшемуся в свежую одежду начальнику отчего-то было не до смеха, он стоял и смотрел на меня, как на ОГРОМНОЕ недоразумение в его отделении. Ну я хотя бы помогла ему переодеться, а то сам не мог.

– Евгения, может, вы пошли не в ту профессию? Попробуйте себя в роли следователя, – проговорил холодно Мстислав Юрьевич, мужик с перебинтованной головой характерно закричал, подпрыгивая своими подвешенными ногами, а мне стало обидно. Вот так хочешь спасти весь мир, а тебя выгоняют в полицию.

– Ну уж нет! Вы от меня не избавитесь! – сказала твердо уверенная в своих словах я.

– Это звучит, как угроза из ваших уст, – зло пробурчал Мстислав Юрьевич и ушел куда-то, может, спрятался от ме-

ня, чтоб зачет по практике не ставить, а может, работал в поте лица.

3

Первое дежурство в отделении хирургии пролетело почти незаметно, если бы не одно но. Вечером, когда медсестры сменялись, мой непосредственный начальник вдруг появился, при том что ровно в тот момент, когда я тоже собиралась отправляться домой, рассказывать маме свои пережитые эмоции. Про тошноту на своего куратора решила благополучно умолчать, чтоб маме не было стыдно за мой поступок.

– Евгения, вы куда это собрались? – спросил безобидно светило хирургии.

– Домой, Мстислав Юрьевич, – ответила я с добродушной улыбкой.

– Не получится, – сообщил сухо он.

– Почему? Я ноги пока не переломала, могу добраться до дома своим ходом, – ответила я спокойно, совершенно не думая о каких-то преградах.

– Я вас оставляю на ночную смену, – резко обломал меня куратор. Улыбка сползла с моего лица сама собой. Придется сидеть на кофе, иначе не выдержу еще и завтрашний день на приеме. Маша посмотрела на меня с сочувствием, потом на ухо прошептала:

– Ты можешь поспать в перевязочной, когда Киллер уйдет в свой кабинет.

Я кивнула, ощущая прилив сил. Так это же я смогу завтра не клевать носом весь день и продержаться до вечера. Не уверена, что с моими навыками куратор пожелает оставить меня на еще одну ночную смену. Когда мы остались на всё отделение вдвоем с Мстиславом Юрьевичем, я села на пост. Маша написала записку, по которой мне нужно было действовать. В пять вечера всем раздать по палатам таблетки, кому-то сделать уколы. Вот с таблетками не проблема, а с уколами возник конфуз, живому человеку я не делала их ни разу. Захожу в сестринскую, достаю пачки таблеток, по стаканчикам фасую, специально, чтоб не запутаться подписала палату и фамилию пациента. Правда, поместилось всего две буквы, получилось странное сочетание – 1 п. По. Благо в первой палате не было однофамильцев или созвучных по первым двум буквам фамилий, поэтому проблем не возникло. А вот со второй начался хаос стоило мне спросить:

– Кому колеса по специальной цене?

И что не сиделось старушенции в своем углу спокойно, она решила со мной поругаться на пустом месте:

– Какие колеса? Ты что мне даешь в этом своем стаканчике 2 п.Ох? Что значит пох? Позовите мне сейчас же лечащего врача!

– Девушка, – очень сильно кривила я душой, до девушки там, как до Пекина туда и обратно, – Не нужно лечащего врача, 2 – это номер палаты, а п – палата сокращенно. Ох это сокращение вашей фамилии, вы же Охриева.

– Ну да, – кивнула согласно старушка, а я уже хотела выдохнуть, мол разобралась со старушенцией самостоятельно, но нет, – Позовите моего лечащего врача, вы не внушаете доверия.

– А он вам внушит доверие? – разозлилась я, – Что вы сопротивляетесь? Вам все равно придется выпить лекарства, иначе езжайте домой и лечитесь там!

– Вы почему мне хамите? – вдруг возмутилась старушенция. Больше шутить про колеса не буду, сделала себе мысленную пометку. Закатив глаза слушаю недовольство пациентки и пытаюсь ее успокоить:

– Если вы хотите я выпью эти таблетки вместе с вами, чтоб вы убедились, что они безвредные.

– Вот именно так вы свою дурь толкаете! Как же! Попробую я ваши шины! – взъерепенилась бабка окончательно, подняв крик на все отделение. Пойти сейчас к куратору означало признание моей ошибки и несостоятельности, поэтому я билась до последнего, пока старушенция не задала провокационный вопрос:

– Как ваша фамилия девушка? Я буду жаловаться на вас в Министерство здравоохранения!

– Не скажу, – резко ответила я, краснея, как рак. В дверях появился заспанный и недовольный светило хирургии и заинтересовался у противной бабки:

– Что вы так орете на все отделение? Что-то болит?

– Нет, доктор, у меня все хорошо. Только вот эта, – она

красноречиво посмотрела в мою сторону, что разом захотелось провалиться сквозь землю, – Предлагала мне какие-то шины, а на таблетках на писано два раз пох. Что это значит? Почему у вас в отделении такое безобразие происходит? А когда я спросила у нее фамилию, чтоб написать жалобу, та сказала, что не сообщит мне.

– Наверное, надо было попозже проснуться, – улыбнулся довольно Киллер, – Может, тогда бы вас, Евгения, отсюда выперли побыстрее.

– Не дождетесь, – отрицательно помотала головой я, вцепившись в поднос с таблетками.

– Так что там за шины были, я не понял? – зачем-то уточнил Мирослав Юрьевич.

– Зимняя резина, – буркнула я, – Продаю с машины.

– Да, что вы хоть хай подняли, – приподнялся на локтях мужчина с перебинтованной ногой, – Колеса она предлагала.

– Ах, колеса, – даже причмокнул от удовольствия куратор, смотря на поднос с таблетками, в который я вцепилась уже двумя руками, словно боялась, что он улетит в космос, если держать его не буду.

– Как ваша фамилия, вы скажете мне для составления жалобы или нет? – все еще требовала расправы старушка.

– Нет, – испуганно пискнула я, красная, как рак.

– Отчего же? – приподнял бровь довольный, как кот на Масленицу Мирослав Юрьевич, – Давайте всей палатой хором попросим медсестру сознаться в своем непрофессиона-

лизме и сдать ся честному блюстителю закона.

– Я первый день как бы тут, можно списать на неопытность и глупость, – в свою защиту произнесла испуганно я, происходящее все больше походило на охоту на ведьм. Сейчас притащат дрова и сожгут за все грехи перед хирургией, а главный палач и инквизитор вот этот ухмыляющийся светило.

– Евгения! В такой профессии непозволительно вести себя неподобающим образом! Сегодня спишем все на ваш первый рабочий день, а завтра на второй? И так всю жизнь вы будете работать, словно ничего и никому не обязаны? А это не лор отделение, где абы как, а хирургия! Тут между прочим людям операции серьезные проводят! – отчитывал меня, как маленькую девочку Мстислав Юрьевич.

– Вот именно, – поддакивала бабка, – Ваша фамилия, – хотелось добавить подсудимая, но прикусила язык и помотала отрицательно головой.

– Ей богу цирк какой-то! – недовольно проговорил светило хирургии и сказал строго, – Евгения, если вы сейчас же не закончите со всеми процедурами для пациентов, я точно сделаю все, чтоб завтра вы уже не работали в этой больнице!

Дважды повторять мне не требовалось, я все также прикусив язык, молча раздала оставшееся таблетки по палатам и отправилась в процедурную. Морально готовиться к уколам.

Мстислав Юрьевич

Неделя выдалась напряженной. Так мало мне того, что я разрываюсь между отделением хирургии и приемами во взрослой поликлинике за врача ортопеда и хирурга, так еще и главный врач подсунула мне подставу в лице миленькой медсестры Евгении. Сколько таких молоденьких, зелененьких выпускниц приходит после нашего колледжа и даже утку выносить правильно не умеют! Так всему надо их обучить, словно работы у врачей недостаточно без этого. В моем отделении вполне хватает обученных и профессиональных медсестер. А эта девушка сплошное НЕДОРАЗУМЕНИЕ в медицине! Это же надо догадаться давать таблетки пациентам со словами: "Закиньтесь колесами, дорогие!". Так еще в первые часы знакомства она ТАК разукрасила мою спец одежду, что стыдно вспоминать. Моя бы воля отказался бы к чертям от таких интузиастов!

После долгих объяснений с одной блюстительницей закона добродушной до сегодняшнего дня старушенцией из второй палаты, отправился подремать хоть полчаса в своем кабинете. В любой момент могут вызвать в приемный покой, тем более, что сезон гололеда значительно прибавил нам пациентов. Любое незначительное падение выливается в травмы и переломы. Так еще и в реанимации приходится прово-

дить срочные операции. Работы хватало с головой, я забыл, когда появлялся последний раз дома и ночевал в своей кровати.

Стоило прикрыть глаза и увидеть первые яркие сны, в которых я проводил операции на ногах, вырезал аппендицит или вправлял вывихи, как снова услышал чьи-то крики. Вскочил резко на ноги, готовый оказывать первую помощь. Прислушался. Сначала визг новой медсестры, что ей нейдет? Гробовая тишина. Дальше мужской визг, при том что такой истеричный, что я нервно хихикнул. Выхожу на цыпочках в коридор, словно в отделении орудует маньяк. Прислушиваюсь. Подозрительно тихо. Заглядываю осторожно в каждую палату, попадающуюся мне по дороге. Нигде нет этого НЕДОРАЗУМЕНИЯ. Во второй палате, чем-то ей определенно она понравилась, раз уж второй раз за вечер там происходит что-то неладное, на полу лежит медсестра без сознания. Над ней возвышается пациент со сломанной рукой, вертится из стороны в сторону, а из пятой точки у него виднеется ОГРОМНЫЙ шприц, держащийся только одной иглой в мышце пострадавшего. Хотя кто здесь пострадал больше остается вопросом. Медсестра взявшая шприц с самой большой иглой да еще и на 250 миллилитров или пациент отведавший убойную дозу обезболивающего. Подхожу к пациенту и незаметно вытаскиваю шприц. Тот даже за всем этим безобразием не заметил, что вечерний укол до конца не состоялся. Не придется откачивать. Радует, что Ев-

гения правильно нашла точку во всем пространстве пациента для укола. Мало того, что придется приводить в чувства Евгению, так еще старушка снова стала возмущаться на происходящее:

– Что за ужас! Медсестра, которая боится крови! Вы кого держите в отделении?

– Уважаемая, пожалуйста, успокойтесь, сейчас во всем разберемся, – ответил спокойно я.

– Как успокоиться, когда тут такое творится? Я завтра же отправлюсь писать жалобу главному врачу! – кудахтала старушенция.

– Пишите, куда хотите, – процедил я, – Пациент, вы свою дозу обезболивающего получили? Тогда отправляйтесь на свою кровать, не мешайте, пожалуйста.

Пострадавший отошел от меня. Я поднял с пола медсестру, понес в процедурную. Достал с полки нашатырный спирт и стал приводить в чувства девушку. Евгения пришла в себя спустя некоторое время, ее глаза сразу же забегали в испуге.

– Вы только не нервничайте, – говорит мне недоразумение хирургии.

– А чего мне нервничать? Вы уже тут все отделение перевернули вверх ногами! – говорю зло я.

– Простите, – пищит Евгения и пытается встать. Я беру ее за плечи и сажаю на место:

– Вы торопитесь разнести к чертям вторую палату? Я между прочим, давно просил главного врача тут сделать зону от-

дыха для персонала и пациентов.

Зря я это сказал. Глаза медсестры загорелись. Мне бы ее убийственное желание помогать людям, тут бы половина отделения давно бы освободилась. Мысленно ругаюсь. Евгения краснеет от одного моего взгляда и говорит:

– Простите меня, Мстислав Юрьевич. Я сейчас же все исправлю и сделаю всем уколы.

– Не надо, – слишком резко останавливаю ее я, – Я сам. А вы сидите тут и никуда не выходите, а главное ничего не трогайте.

Уже даже страшно подумать, что будет дальше. Проспи я еще чуть-чуть, так тут бы на месте больницы был бы огромный ров. В этой маленькой головке может таиться нечто страшное. Оставляю девушку в процедурной, перед выходом грозя пальцем, чтоб послушно сидела на месте, та кивает, как болванчик. Вот влип же. Мысленно сделал себе пометку, чтоб больше никогда не оставлял Евгению на ночную смену, иначе моя итак насыщенная работой жизнь превратится в совмещение еще и сестринской работы. Побольше набрал воздуха в грудь, вернулся в злополучную палату. Старушенция отвернулась к стенке и делает вид, что спит, хотя подсматривает за мной одним своим глазом, который, кажется, может перемещаться даже на затылок. Беру поднос с уколами, смотрю, что орсинал девушки состоит только из огромных шприцов. Придется возвращаться в процедурную. Осторожно приоткрываю дверь. Евгения сидит на том же месте,

даже подозрительно. Оглядываюсь. Минное поле какое-то, а не отделение хирургии. Присматриваюсь к полкам с медикаментами. Оттуда торчит полотно бинта. Подхожу осторожно и открываю дверцу. В следующее мгновение на меня падает куча склянок с медикаментами. Стараюсь все поймать и падаю навзничь на полу. Ощущаю себя индусской богиней Шивой с шестью руками, хотя все поймать не успел.

– Евгения, – рычу я.

– Мстислав Юрьевич, ну что у вас тут за беспорядок, – невинным тоном говорит недоразумение, потом все-таки встает и помогает мне с медикаментами. Поднимаюсь на ноги, зло говорю:

– У вас пять минут, чтоб убрать здесь все!

Беру нужные шприцы и медикаменты, оставшиеся в живых. Вот Машенька завтра удивится, что половина лекарств испарилось удивительным образом из процедурной. А мне то как по шее надает люлей глав врач. За что мне это наказание в виде этого недоразумения? Может, уволиться, пока она не подожгла к чертям всю больницу? Сделал всем пациентам уколы, выполнил чужую работу. Узнает кто, что заведующий отделением лично делает уколы своим пациентам, так смех поднимут. Возвращаюсь в процедурную, а самому поплохело, что ж дальше выкинет эта первокурсница колледжа. Ну неужели их там ничему совсем не учат? Слава Гиппократу, процедурная убрана, все склянки выброшены в урну, а Евгения сидит спокойно на кушетке. Чувствую ждет меня се-

годня бессонная ночь, с такими медсестрами глаз смыкать
нельзя ни в коем случае.

Евгения

Всю ночь я читала основы сестринского дела под внимательным взглядом Мстислава Юрьевича. Что он меня за дурочку совсем принимает? Мы это на втором курсе проходили всего за один семестр. В итоге я не сомкнула глаз и врач тоже. В шесть утра пришла Маша и освободила меня от обязанностей медсестры в отделении. Было пару часов до приема в поликлинике, я прилегла в процедурной после утреннего приема таблеток и уколов. Подремать получилось всего несколько минут, потому что в дверях появился Мстислав Юрьевич и сообщил о том, что мы идем в поликлинику. Всю короткую дорогу он мне объяснял, что я должна сидеть и писать бумажки, никакой инициативы. Да так у него заело это "Никакой инициативы", что тошно стало!

Мстислав Юрьевич взял ключ в регистратуре и карточки и направился в кабинет ортопедии. Глаза слипались, мне бы хоть кружечку горячего кофе. Куратор же, казалось, бодрый и выспавшийся, может, он спал с открытыми глазами, когда я читала в слух основы сестринского дела? Присмотрелась внимательнее к Мстиславу Юрьевичу, но ничего не обнаружила сверхъестественного. Может, просто привык проводить бессонно ночи за своими операциями? Сидим в молчании минут тридцать. До приема еще час.

– Можно, – не успеваю я закончить фразу, как меня бесцеремонно перебивают:

– Нет.

Ну нельзя так нельзя. Больно то хотелось попить боличного кофе. Тиран! Сам-то наверняка уже закинулся горячим напитком и бутербродиками. Живот придательски заурчал. За всей этой суматохой забыла, что не ела со вчерашнего дня. Мстислав Юрьевич не обращает на меня никакого внимания, словно я андрисоль какая-то. Сидим дальше. Я клюю носом в амбулаторные карты, а Мстиславу Юрьевичу не йдется:

– Не спать, Евгения!

– Да чтоб, – вырвалось у меня, а он сидит довольный, ждет, когда я оплашаю. Не дожدهшься, тиранище! Правильно Маша сказала, у него на уме только работа.

Наконец, в кабинете появляется первый пациент. Беру его карту, передаю врачу, сама смотрю в монитор и понимаю, что вместо манитора прыгают белые зайчики. Пытаюсь поймать их, а они разбегаются. А потом слышу грозный голос врача:

– Евгения, вы что уснули там? Отметьте пациента, что он пришел на прием!

Промаргиваюсь, зайчики исчезают, появляется злополучный монитор. Пытаюсь вслушаться в диалог врача и пациента и понимаю, что все равно сплю на ходу, потому что происходит что-то неладное спустя несколько коротких минут.

– Доктор, что вы посоветуете при моем вывихе? – спрашивает пациент.

– Настойка ромашки, – буровит Мстислав Юрьевич.

– Что настойка ромашки? – вновь спрашивает пациент.

– Наложить жгут, – продолжает в том же духе Мстислав Юрьевич. Мне самой стало интересно, что за рекомендации такие неординарные для пациента.

– Все настолько плохо? – чуть ли не ревет пациент.

– Нужно ампутировать, – заключает Мстислав Юрьевич, а я даже подпрыгнула на стуле и снова проморгалась. Разлепливаю глаза и смотрю на врача и на пациента, один сидит, как зомбированный с открытыми глазами и смотрит в одну точку – это Мстислав Юрьевич, а другой уже поседел – это пациент. Встаю со своего места на ватных ногах, никогда так спать не хотела, подхожу к врачу и машу у него перед глазами. Спит, зараза. Все-таки умеет с открытыми глазами!

– Я не хочу ампутировать ногу, – воет пациент не своим голосом.

– Ничего не будет ампутировать, – успокаиваю я, а Мстислав Юрьевич продолжает:

– Будем, Евгения, будем!

– Может, можно как-то спасти? – голосит еще громче пациент.

Сейчас его трепанет инфаркт миокарда от такого приема. Пришел человек с вывихом, а ему тут ногу отчикать хотят. Ударяю со всей дури Мстислава Юрьевича картой пациен-

та по голове, тот промаргивается и смотрит на меня, как на врага народа. Густо краснею. Еще пару человек, и останемся мы без светила хирургии....

– Мстислав Юрьевич, – прочищаю горло, – Что порекомендуете человеку с вывихом?

– Ах, вывих, – вспоминает врач, – Ничего страшного, вы чего так переживаете, холодный компресик и обезболивающее, если сильно беспокоить будет.

– Спа-па-си-бо, – заикаясь произнес пациент, вырвал из рук врача лист с назначениями и вылетел пулей из кабинета. И это только начало. Такими темпами завтра на приеме у нас будет мало человек, отосплюсь.

Сажусь на свое место, только настраиваюсь на работу, как слышу громкий храп со стороны врача. Поворачиваю голову в его сторону, снова спит с открытыми глазами. И как тут вести прием? В дверях появляется новый пациент. Открываю вездесущий гугл и спрашиваю пациента:

– Что вас беспокоит?

– А вы врач? – отвечает вопросом пациент, скептически меня оглядывая с головы до пят.

– Нет, – отвечаю я, и снова раздается храп со стороны моего куратора. От чуткого слуха пациента это не утаилось, он давай любопытствовать:

– А что это с ним?

– Приболел немного доктор, кашляет, – отмахиваюсь я.

– Ага, как же, – крикает пациент, потом поворачивается

ко мне и говорит, – У меня палец опух.

И показывает мне свой палец с кровоподтеками. К горлу накатывает тошнота, в глазах темнеет, а я падаю в обморок. Что было дальше не знаю, но на крае своего сознания я слышала голос Мстислава Юрьевича:

– Что? Что тут происходит?

– Палец у меня, – пытается объяснить пациент.

6

Открываю глаза. Лежу на кушетке в кабинете ортопедии. Второй раз за два дня падать в обморок от вида крови. Если Мстислав Юрьевич узнает о моем паническом страхе, выгонит пинком под зад со стажировки и не пожалеет. Оглядываюсь. Около моих ног сидит с опущенной головой врач и вертит у себя перед носом ваткой с нашатырем.

– Вы главное не волнуйтесь, – успокаиваю его я. В ответ получаю злой взгляд.

– Евгения, вы меня до белого колена доведете, – говорит страдальческим тоном он, – Может, вы попроситесь в офтальмологию? Давайте я сам вас в лор отделение отправлю? А неврология не нравится?

– Вы избавиться от меня хотите? – спросила я, прищурив глаза.

– Да, – кивает обессиленно светило.

– Не получится, – говорю я, – Меня поручили вам, так что придется нам как-то приспособливаться друг к другу. Я, знаете ли, тоже от вас не в восторге. Вывих ампутировать хотели, человек пошел к неврологу записываться или к психиатру после ваших рекомендаций!

– Если бы кто-то не боялся крови, я не спал бы на ходу! – зло процедил Мстислав Юрьевич.

– Я не боюсь крови! – выкрикнула недовольно.

– Ага, рассказывайте мне, – пробурчал он под нос и ушел за стол приема, – Возвращайтесь на свое место, Евгения, нужно продолжать прием. В коридоре пятьдесят человек!

Усаживаюсь на свое место. Монитор рябит перед глазами. Приду домой и замертво упаду в свою кровать. Мои сладкие мечты разбились, как только на пороге появился новый пациент. Благо у него ничего страшного, и он быстро уходит. Следующие были старушки, они даже пирожки собственного приготовления принесли врачу. Вот так любовь к нашему светилу, ходят к нему на прием, как на работу. Может, надеются покорить сердце этого мужчины? Смотрю на его лицо кирпичом и понимаю, что тут без вариантов.

– Здравствуйте, доктор, – появляется молодой человек на пороге кабинета.

– Здравствуйте, присаживайтесь, – отвечает бодро Мстислав Юрьевич, когда пациент занял свое место спрашивает, – Что вас беспокоит?

– Да я упал неудачно, рука сильно болит, – отвечает парень и кладет окровавленную руку на стол врача. Мстислав Юрьевич сразу смотрит на меня, ожидая, что вот-вот в очередной раз отключусь. А мне снова дурнеет, мысленно даю себе установку: "Это не кровь, это варенье. Малиновое варенье, не кровь". Зажмуриваюсь и пытаюсь дышать.

– Доктор, вы поможете мне? – спрашивает пациент и смотрит то на меня, то на врача.

– Пересядьте на кушетку, – просит Мстислав Юрьевич.

Я подрываюсь вместе с пациентом, путаюсь в ногах и падаю в сторону парня. Тот ловит меня своей итак переломанной рукой.

– Да что за проклятие то! – зло кричит Мстислав Юрьевич. Я лежу на пациенте, тот сдавленно просит слезть с него, у меня начинается паника. Куратор подхватывает меня под подмышки и оттаскивает от парня.

– По-моему, я еще и ногу сломал, доктор, – спокойно сообщает пациент. Мстислав Юрьевич зло рычит и снова в мою сторону грозит пальцем:

– Сидите на своем месте и не двигайтесь!

Молча киваю. Что же за напасть то такая. Мстислав Юрьевич поднимает парня с пола, тащит к кушетке и осматривает. Через секунду заключает:

– У вас нет перелома руки, только разрыв мягких тканей.

Выдыхаю. Слишком рано.

– Зато у вас теперь закрытый перелом правой ноги, – продолжает Мстислав Юрьевич.

Нервно хихикаю. По-моему, это истерика. Светило хирургии пишет направление в отделение, при этом добавляя пациенту:

– Чтоб Евгении было неповадно, вы будете под ее личным контролем в отделении.

– Доктор, – пациент шумно сглатывает, – Можно, я дома полечусь, пожалуйста.

Мстислав Юрьевич понимающе улыбается парню и кива-

ет:

– Пожалуй, так будет безопаснее для всех.

– Спасибо, – говорит искренне парень и удаляется из кабинета врача с перевязанной рукой и на одной ноге.

В следующую минуту в кабинет заходит медсестра из регистратуры со словами:

– Костоломова, возьми карту пациента. Он из отделения неврологии к вам.

– Костоломова, значит, – ухмыляется Мстислав Юрьевич, а я густо краснею за свою фамилию, так вовремя названную. Ведь хотела скрыть, а все равно узналось. Представляю себе дверь кабинета ортопедии с табличкой: "Принимает врач Киллер Мстислав Юрьевич и медсестра Костоломова Евгения Акакиевна"

После того, как пациент вышел с переломанной ногой и перевязанной рукой, хотя заходил с целыми ногами, и медсестра на всеуслышание огласила мою фамилию: «Костоломова!», очередь знатно поредела. Из пятидесяти человек толкающихся и выясняющих, чья сейчас очередь, осталась одна древняя старушка, у которой, по всей видимости, были проблемы и со зрением, и со слухом. Я пригласила женщину в кабинет, пришлось выходить в коридор. Мстислав Юрьевич всерьез забеспокоился, почему никто не заходит около десяти минут, а голос он уже сорвал. Мои перепонки тоже со своим: «Входите!», «Следующий!». Неужели до сегодняшнего дня у него очереди были километровые и он все успевал? Зато теперь можно со спокойной душой отправляться домой, слухи в нашем городе распространяются со скоростью света, да еще и сказочников много. Уже сегодня же вечером будут говорить, что в кабинете у ортопеда отрывают ноги и продают на органы или еще чего хуже. Пригласили костолома, тот без разбору хреначит всем руки и ноги. Вот обо мне слава то пойдет! Уже предвкушаю работу в областной больнице при заведующей поликлинике. А может, кто-то разглядит мой потенциал и отправит доучиваться в медицинский институт. Потом буду работать таким же хирургом, как Мстислав Юрьевич. Стану светилом хирургии номер два

в области.

– Костоломова! – гаркнул прямо на ухо Мстислав Юрьевич, что я подпрыгнула на месте, – Хватит летать в облаках! Тут у пациента остеохондроз грудного отдела!

Вскочила со своего места и стала метаться по кабинету, как в попу ужаленная:

– Что, что нужно делать?

– Отметьте для начала, что пациент пришел, – потер нервно переносицу Мстислав Юрьевич.

Села на стул и стала в компьютере забивать данные пациента. Присвистнула, очередь аж на тринадцать ноль ноль. Вот так мы бьем рекорды по приему пациентов, ничего страшного нет в том, что около пятидесяти человек не дошли до врача. Это же их проблемы, не так ли?

Мстислав Юрьевич отпустил женщину, и наступила гнетущая тишина, от которой адски хотелось спать. Слышно даже стрелки часов, которые набатом били по вискам. Потерла устало переносицу на манер своего куратора, пытаюсь не уснуть на рабочем месте. Светило хирургии встал со своего места, походил из стороны в сторону, подошел ко мне со спины и проговорил громко:

– Что ж, впервые за время моей работы в поликлинике, большая часть пациентов сбежала с приема. Аплодирую стоя вашему профессионализму, в нашем городе теперь люди будут заниматься самолечением, предпочитая интернет кабинету ортопеда.

– Это сарказм, Мстислав Юрьевич? – решила уточнить на всякий случай я.

– Конечно, – произнес он. Так обидно, хоть раз бы искренне похвалил. Обиженно надула губы, смотрю на него снизу в верх. Мстислав Юрьевич снисхожденно улыбнулся мне, похлопал по плечу, как старого друга, потом потрепал по голове, как собаку и выдал:

– Идите домой отсыпаться, Евгения. Завтра вы работаете в дневную смену в отделении вместе с Машей. Она покажет вам что и как.

– А как же приемы? – удивилась я.

– Завтра я справлюсь самостоятельно, – сверкнул глазами Мстислав Юрьевич, – А то вы мне всех пациентов распугаете окончательно.

– Вы жестокий человек, Мстислав Юрьевич, – бросила я через плечо, скинула халат и выскочила из кабинета.

Как я дошла до дома одному Богу известно. Со стороны наверняка выглядела пьяной и виляющей из стороны в сторону. Едва переступила порог дома, как на автопилоте зарулила в спальню и упала в кровать, ударившись об угол подушки, потеряла сознание и крепко уснула. Снился мне самый "прекрасный" сон, что я лично провожу операцию в нашей больнице по удалению аппендицита. Ассистирует мне Мстислав Юрьевич, почему-то постоянно толкает меня в бок и орет что-то несуразное:

– Костоломова, ты че творишь? Аппендицит находится

справа! Ты сейчас ему вырежешь толстую кишку!

– Да что вы лезете ко мне постоянно! – психанула я, а светило хирургии хватает меня за плечи и трясет с истошным воплем:

– Да что мне такое наказание!

– Вы чего волнуетесь так-то? – невозмутимо спрашиваю я, – Почему я должна быть в курсе за что у вас какое-то наказание.

– Это какой-то страшный сон, – продолжает голосить мой куратор, при этом не выпуская моих плеч из своих рук.

– Ну как бы для кого как, – бурчу я себе под нос, – У меня между прочим была операция века, которую вы мне сорвали.

– Костолома, – сверкает глазами Мстислав Юрьевич, – Садись за учебники!

И это «Садись за учебники» эхом по голове раз двадцать, пока я не проснулась в холодном поту. Вот так приснится же. Никогда так страшно не было. Снились мне все преподаватели училища по порядку, только мы с ними играли либо в шахматы и разговаривали о жизни, либо катались на американских горках, после чего их тошнило. Никого из них почему-то не волновали так мои прекрасные знания. Пошла на кухню, выпила целую кружку холодной воды, посмотрела на часы – два часа ночи. И что мне делать в это время? Может, правда перечитать анатомию?

Мстислав Юрьевич

Не знаю благодарить ли мне недоразумение медицины за то, что, наконец-то смог оказаться дома или отругать для приличия. Очереди значительно поредели, в отделении было тихо. Операций никаких не планировалось, в ночную дежурила путевая медсестра, которая знала все номера врачей разных отделений. В любом случае я успею добраться до больницы, потому что окна моей квартиры выглядывали на родную и любимую работу. Что б ее. Закрыл плотно шторы, наслаждаясь атмосферой пустого дома, не пахшего хлоркой и медикаментами. Открыл холодильник, услышал аромат повесившейся мыши, захлопнул поскорее, чтоб мышь не вернулась с того света и не отчитала меня за то, что оставил совершенно пустым холодильник. Довольно потянулся, ощущая дикую усталость. Добрался до кровати и вырубился сразу же, стоило голове коснуться подушки. Сначала я так крепко спал, что не снились даже сны. Лучше б так было и дальше. Ведь в одно мгновение меня словно затащило в операционную, где над пациентом, находящимся под наркозом, склоняется в руках со скальпелем НЕДОРАЗУМЕНИЕ Евгения! Мысленно чертыхнулся. Почему она? Ну неужели больше нет студентов или мне достался самый «талантливый»? С лицом кровожадного убийцы, мне даже показалось,

что она потирает довольно ладошки, торопясь разделаться с мнимым пациентом. В эту секунду я почему-то подумал, что это может быть вовсе не сон. Что если я вырубился в операционной, и Евгения как-то проникла туда, воспользовавшись моим бесчувственным состоянием, решила проявить инициативу и сделать самостоятельно операцию НЕСЧАСТНОМУ своими кривыми рученьками. Не в том смысле, что у нее они от природы кривые, просто столько косяков за одни сутки наша больница никогда не видела еще. Попытка ущипнуть себя, чтоб проснуться, но никак не получалось. Сплю или нет, вот в чем вопрос. На всякий случай решил остановить разворачивающееся действие, во благо безликого пациента на операционном столе. Недоразумение Евгения психует, говоря, что это ее звездный час. Ага, как же! Вырезать несуществующий аппендицит в левой стороне. Мысленно помолился Гиппократу, сказал спасибо, что он умер раньше появления Костоломовой в хирургии. Такое даже мои нервные клетки не выдерживают, хватаю девушку в свои руки за плечи и пытаюсь привести в чувства, но ведь должны же им были проводить лекции по анатомии в колледже и в школе. Восьмой класс биология! Господи. Это какое-то безумие. Просыпаюсь в холодном поту. Осматриваюсь по сторонам. Сон. Пробую дрожащими руками лоб, я весь покрылся испариной. Приснится же такое. Зарекся больше не думать о недоразумении медицины перед сном, чтоб больше таких кошмаров не повторялось. Смотрю на будильник, вто-

рой час ночи. Блуждаю бесцельно по квартире, понимаю, что отвлечься от пережитых во сне эмоций поможет только работа. Одеваюсь и отправляюсь в отделение. Оля, дежурящая сегодня медсестра, встречает меня радостно:

– Здравствуйте, Мстислав Юрьевич. Ночь без происшествий.

– Костоломовой нет? – решил съязвить я, хотя знал прекрасно, что недоразумение отсыпается дома. Она появится в отделении в дневную смену, вчера в сонном настроении я решил приставить ее к Машеньке, чтоб та успела хоть чему-то обучить студентку. Плохая идея. Надо Евгении показать все «прелести» работы в больнице и отпугнуть от недуманных действий. Главное, чтоб не получился обратный эффект, она же шибанутая на всю голову.

– А кто это? – спросила после недолгого молчания Оля.

– Стихийное бедствие хирургии, – выдал я зло, развернулся спиной к посту дежурящей медсестры и отправился в свой кабинет, изучать карты пациентов. Поспал дома, блин.

В шесть часов я уже был выжат, как лимон. Именно сейчас в отделении должна появиться Костоломова, а, следовательно, и все неприятности посыпаются с момента ее появления здесь одна за другой. Дайте мне хоть капельку терпения. Не может же она в серьез стать медсестрой в этом отделении? Или может?

– Мстислав Юрьевич, – появилась черноволосая голова Ольги из-за двери, – Я ухожу, Маша заступила на смену.

– Да, да, конечно, отдыхай, Оля, – натянуто улыбнулся я, стараясь быть вежливым со своими подчиненными, – Спасибо.

– Мстислав Юрьевич, – замялась Ольга, продолжая оставаться в дверях.

– Костоломова начудила что-то опять? – подорвался я со своего места.

– Кто? – снова не поняла Оля, испугавшись и просунувшись всем телом в мой кабинет.

– Не бери в голову, Оленька, – попытался успокоиться я. Придется посидеть месяцок на седативных после такого «кураторства», нервы ни к черту.

– Сегодня день святого Валентина, – продолжала краснеть медсестра, – Я хотела вам вручить подарок. Оля вручает мне в руки небольшой красный сверток. Черт. Совсем помешался на Евгении, что даже не обратил внимание на красивое платье дежурящей медсестры, не предусмотрев ее стремление понравиться мне.

– Не стоило, Оля, – сухо произнес я, – Надеюсь, ты помнишь, что я не приветствую служебных романов.

Медсестра поникла, опустила растерянно голову, молча кивнула. Мне показалось, что она вот-вот расплачется от моих слов. Вот же. Повезло же оказаться в полностью женском коллективе, где столько молодых и красивых девушек, готовых женить меня на себе. Выдержу Костоломову, выживу ее из отделения и из своей профессиональной жизни, выпрошу

в виде бонуса у заведующей больницы в отделение себе медбратов. Ольга ушла, утирая слезы. Следующая появилась на пороге Машенька. Они сговорились?

– Мстислав Юрьевич, с праздником вас! – говорит радостно девушка.

– С профессиональным, надеюсь? – не сдержал сарказма.

– Нет, – растерялась Машенька, переминаясь с ноги на ногу, – С днем всех влюбленных!

– Маша, при всем моем уважении к тебе, – начал я, внимательно вглядываясь в помрачневшую разом медсестру, и она туда же, – Этот праздник никак ко мне не относится.

– Простите, Мстислав Юрьевич, – покраснела девушка, потом подняла голову и проговорила, – Евгения пришла в отделение на смену. Чему мне учить ее?

– Евгения, – повторил я имя, которое не давало мне покоя ни днем ни ночью, потер нервно переносицу, – Все, что сама будешь делать, показывай и ей. Надеюсь, больница от этого не пострадает.

Машенька кивнула и вышла из кабинета. Мельком я заметил в ее руках такую же красную подарочную коробку, что мне вручила только что Оля. А теперь бы придумать, чем можно испугать хорошенько Костоломову, чтоб она резко изменила свое мнение о медицине.

Евгения

Машенька вернулась из кабинета начальника в слезах. Участливо обняла ее, поглаживая по спине. Что они нашли в этом тиране и высокомерном светиле?

– Вот чего он хочет? Может, ему нравится, что девушки выются около него и поэтому вертит своим павлиньим хвостом? – вытирая слезы причитала обиженная девушка, – Я так старалась, связала ему свитер своими руками с оленями.

– Вот уж точно, – хихикнула я, – Олень он, и в Африке олень.

– Не говори так о Мстиславе Юрьевиче, он профессионал своего дела, – стала защищать обидчика Машенька.

– Конечно, профессионал, – улыбнулась я, глядя по спине девушку, – Если хочешь, я могу ему в лицо кинуть этот свитер.

– Как ты так можешь? Он же такой, – переключилась на меня Машенька, а я успела остановить поток хвалы светилу хирургии, который не дал мне спать этой ночью своими «Грызи гранит науки!», чтоб ему пусто было:

– Я серьезно, если хочешь передам ему подарок от тебя. Мне этот хмырь высокомерный не нужен, у меня парень есть. А увидев твой свитер этот гад растает.

– Правда? – шмыгая носом спросила Машенька, смотря

на меня щенячьими глазками.

– Конечно, – улыбнулась подбадривающе я. Машенька кивнула и протянула мне небольшой сверток, обернутый в красную бумагу. Вот я ему сейчас покажу кузькину мать! Вздумал выкабениваться и девушек обижать! Беру запакотанный свитер в руки и направляюсь в кабинет куратора-мучителя. Открываю слегка дверь, только та вырывается из рук и с грохотом ударяется в стену, что с той сыплется побелка. На секунду растерялась от такого поворота, потом поднимаю гордо голову и говорю строгим, нравоучительным тоном:

– Мстислав Юрьевич! Вы высокомерный, противный и самый отвратительный мужчина во всей Вселенной! Это насколько же нужно быть женоненавистником, чтоб отвергать такие подарки от своего персонала!

Пока я перевожу свое дыхание, потому что я это высказывала слишком быстро, чтоб успеть скрыться в коридорах, если куратор решит меня все-таки убить.

– Да что вы? – ухмыляется самодовольно гад, – Мне никто еще так рьяно не признавался в чувствах, Евгения.

От его невозмутимости я совсем растеряла пыл, опустила голову и столкнулась взглядом с прищуром мужчины. Мстислав Юрьевич облокотился на свой рабочий стол и скрестил руки на груди. Если бы взглядом можно было испепелять, то я бы сейчас же превратилась в кучку пепла на пороге его кабинета.

– У вас все? – уточнил Мстислав Юрьевич, а я ощутила,

что язык к небу прилип. Мне бы сейчас еще хоть капельки той самоубийственной решительности, что куда-то предательски спряталась. Что-то промямлив несуразное, я поняла, что окончательно села в лужу. Нельзя же так смотреть на людей! Кидаю в куратора пакетом, тот чудесным образом пролетает мимо его головы и устремляется по траектории прямо в окно. Стекло бьется с дребезгом, падая на снег под окном. Мстислав Юрьевич наблюдает за действием и, кажется у него начал дергаться глаз. Повезло, что пакет каким-то чудом не вылетел в окно, сама не понимаю, как так вышло. Вероятно, стекла здесь не меняли с момента основания больницы, настолько они были хлипкими. Отойдя от шока, медленно пячусь спиной к выходу. Уже оказавшись в коридоре, собираюсь рвануть во всех ног, как слышу грозное рычание:

– Дверь за собой закрой, горюша!

Трясушимися руками закрываю треклятую дверь и вылетаю, как пробка от шампанского прочь. Сегодня нужно находиться, как можно дальше от Мстислава Юрьевича, иначе он меня придушит. А еще ни в коем случае не спать в процедурной, иначе больше не проснусь. На мгновение представила себе Мстислава Юрьевича с подушкой в руках надомной спящей, усмехающегося довольно и придавливающего подушку к моему лицу. Подхожу к посту медсестры, а меня потряхивает, Машенька спрашивает с круглыми глазами:

– Что произошло?

– Кажется, я буду тут отрабатывать до конца жизни прак-

тику, чтоб отработать ремонт в кабинете Мстислава Юрьевича, – пробубнила я себе под нос.

– Ты что ему кабинет разрушила? – испугалась Машенька.

– Почти, – пискнула я. Машенька еще больше вытаращила глаза, усадила меня на свое место, принесла горячего чая. Трясущимися руками пью чай и думаю, как Киллер меня теперь будет убивать. А он поспешил подлить масла в огонь, тут же появился около меня и прорычал громко, что я невольно подпрыгнула и разбила граненый стакан с недопитым чаем:

– Костоломова, за мной! – став свидетелем еще одного моего имущественного ущерба его отделению, нервно потер переносицу и продолжил, – И не трогайте, пожалуйста, больше НИЧЕГО!

Молча кивнула и встала из-за стола. Машенька быстро проговорила мне, что все осколки уберет за мной. Стою около Мстислава Юрьевича, а тот продолжает испепелять меня взглядом, решил убить молчанием? Минуты три мы стоим, как дураки, молча играясь в гляделки, потом он, не отрываясь от меня взглядом говорит Маше:

– Мне очень понравился свитер, Машенька, спасибо.

В этот момент я покраснела, как рак. Еще бы он ему не понравился. Теперь из моего кошелька поменяет в своем кабинете окна с деревянных доисторических на пластиковые, которые не пускают такого сквозняка.

– Идем, Костоломова, нас ждут в операционной. Будешь

ассистировать, – говорит мне, как приговор Мстислав Юрьевич. Он же знает, что я крови боюсь, решил показать Веронике Андреевне, что я ничтожество?

Идем по длинным коридорам больницы в тягучем молчании. Я посчитала по дороге все дырки в стенах и линолеуме. Ноги ватные, подгибаются от страха. Что меня ждет за дверью операционной? Подходим к пластиковой двери, Мстислав Юрьевич оборачивается резко ко мне и говорит строгим тоном:

– Сейчас проведем аппендэктомию, внимательно наблюдайте за моими действиями, старайтесь не лезть под руку и не потерять сознания. Самое важное для вас – действия медсестры, что она подает, как это называется, и когда я прошу тот или иной предмет.

– Я боюсь крови, Мстислав Юрьевич, – пропищала испуганно я.

– Я тоже, Евгения, – улыбнулся так добродушно он, что я поверила ему на долю секунды, а потом одернула себя за такую наивность. Не может врач-хирург бояться крови. Уверенно кивнула скорее себе, чем куратору и вошла вслед за ним в реанимацию. На нас одели одноразовые халаты, шапочки и бахилы, дали перчатки, маски и обработали руки. Не помня себя шла за Мстиславом Юрьевичем, за его спиной чувствуя себя защищенной от всех напастей и страхов. Стоило нам оказаться в операционной, залитой ярким светом ламп, как я села на кушетку в углу и невольно скользну-

ла изучающим взглядом вокруг. На хирургическом столе лежала пациентка – она была в сознании и корчилась от боли, хватаясь за правое подреберье. «Правое!» – пульсировало в голове. Мстислав Юрьевич помыл руки и подошел к пациенту, добродушно интересуясь:

– Наталья, вы чего слезы роняете? – я пригляделась, женщина и правда боится, – Все пройдет хорошо, вы даже глазом моргнуть не успеете!

Эта его добродушная успокаивающая улыбка обескураживает и действует волшебным образом на женщин, даже я потерялась на время. Пациентка утерла слезы, зарядилась боевым настроем оперирующего врача, и сказала, что готова. В следующий момент анестезиолог попросил Наталью считать до десяти в слух, мы услышали только цифры до пяти, дальше началась слаженная работа Мстислава Юрьевича и медсестры. Он сделал осторожный надрез в области аппендикса и быстро оперировал скальпелем и пальцами руки. Я даже не успела увидеть крови, либо мне стало настолько интересно, насколько профессионально провел эту операцию Мстислав Юрьевич, либо все действительно длилось минуты. Секунда, и светило хирургии зашивает небольшой надрез, а затем сообщает:

– Операция прошла успешно, всем спасибо.

– Спасибо, Мстислав Юрьевич, – ответили анестезиолог и медсестра.

Куратор ушел мыть руки, как и все остальные, а я расте-

р्यानно сидела около пациента и хлопала глазами. В следующий момент поняла, что хочу также. И эта мысль загорелась в моей голове так ярко, что я построила себе цель – окончить мед колледж и поступить в институт на отделение хирургии.

– Костоломова, почему у вас так горят глаза? Вы что плачете? – появился неожиданно Мстислав Юрьевич и присел на колени напротив меня.

– Нет, – улыбнулась я сквозь слезы, – Это круто!

– О Господи! Детский сад, ей богу! – снова потер нервно переносицу куратор, мне кажется или это реакция на меня такая? Улыбаясь, как дурочка, я кинулась обнимать Мстислава Юрьевича и извиняться за все свои грехи:

– Простите меня за разбитое окно, я всего лишь хотела, чтоб вы поняли, что Маша старалась для вас. За переломанного пациента простите, за все-все!

А потом не совсем вовремя опомнилась и проговорила недовольно, все еще держа его в кольце своих рук:

– Вы же понимаете, что это на эмоциях?

– Конечно, конечно, – ухмыльнулся довольно Мстислав Юрьевич, и приобнял меня за талию. По коже пробежались мурашки. Услышала аромат мужчины и почувствовала, что падаю в какую-то неизвестность, словно в пропасть. Может, феромоны? Дала себе мысленный подзатыльник, нечего лужицей растекаться перед мужчиной, который совершенно не замечает женщин вокруг, тем более у меня есть парень.

– А чего вы так лыбьтесь? – отодвинулась возмущенно я.

– Надеюсь, что вы запомнили местонахождение аппендицита, – говорит все также довольный Мстислав Юрьевич, а я краснею, вспоминая свой сон накануне:

– Вы что проникли ко мне домой и спровоцировали, чтоб я повторила анатомию?

– Что? – ошарашенно Мстислав Юрьевич, вставая на ноги и выпуская меня из своих объятий, резко стало холодно, даже руки скрестила на груди, – Вы даже анатомию накануне повторили? Сегодня определенно пойдет снег, Евгения!

– Мстислав Юрьевич, вы высокомерный идиот, – подняла гордо я голову, – Вы думаете, что никто кроме вас не сможет провести так операции? Вот увидите, что я отучусь и буду не хуже вас.

– Уж не в колледже ли вы решили отучиться до таких умений? – с сарказмом осведомился он.

– Нет, я иду в институт на хирургию, – уверенно заявила я с самодовольной улыбкой не хуже этого индюка.

– Костоломова, давай я забуду, что ты назвала меня высокомерным идиотом, а ты переспшишь с этой мыслью и передумаешь? – поник Мстислав Юрьевич, слегка пошатнувшись, вероятно, от шока после операции. Ну не от того же, что я стану высококлассным хирургом?

Оказавшись в отделении, мы разошлись с Мстиславом Юрьевич, каждый на свое рабочее место. Я на пост медсестры к Маше, а он в свой кабинет с разбитым окном. Сижую заполняю журналы, тут слышу подозрительный шум за окном. Машенька ушла готовить обеденные процедуры для пациентов, я осталась в одиночестве с ручкой и кучей ненужных бумаг. Встаю осторожно со своего места и направляюсь к окну. Там внизу кидает снежки Мишка. Откуда ему стало известно о моем заключении на практику в лапах узурпатора Киллера? Наверное, мама проговорила... Вот не задача, тут же окна хлипкие, если еще одно разобьется по моей вине, меня точно выкинут со стажировки без возможности вернуться в больницу когда-либо. Пытаюсь распахнуть створки окна, они не поддаются, как назло. Со страшным лязгом и звуком начинающейся бомбардировки отделения хирургии, я открыла одну створку, выглянула в окно и шепотом прокричала Мишке:

– Ты что тут делаешь?

– Женечка, с днем всех влюбленных! – заорал, как ненормальный Мишка, я оглянулась в коридор, куратора – мучителя не видно, может, отсыпается в своем кабинете? При таком ветродуе в феврале месяце с разбитыми окнами... вряд ли.

– Миша, иди отсюда, меня убьют! – продолжаю кричать шепотом я так, чтоб меня услышал парень.

– Женька, выходи на улицу, я соскучился! – продолжает орать Женька.

– Сейчас выйду, только не ори, – пытаюсь успокоить его я, хотя получается плохо.

Стоит мне обернуться, сталкиваюсь с огромной широкой оленью грудью. В прямом смысле, на груди красуются такие неровные олени, словно их через мясорубку перекрутило. Я конечно, за любое проявление творчества, ведь у самой руки в этом смысле растут не из того места, но это было слишком своеобразно. Хихикнула, разглядывая сумасшедшие мордашки оленей и кривые огромные рога.

– А вам идет очень, Мстислав Юрьевич, вы прямо соответствуете статусу, – вырвалось у меня. Подняла глаза и встретила со злым прищуром мужчины. Его челюсти были так сжаты, что казалось, сейчас зубы покрошатся и будут пылью высыпаться.

– Вы куда-то собрались, Евгения? – поинтересовался с ядовитой доброжелательностью Мстислав Юрьевич. Пятой точкой чувствую не до добра.

– Нет, нет, что вы, – улыбнулась я самой честной и прелестной улыбкой на земле, только бы поверил.

– Я рад, что вы так держитесь за это место, что готовы отодвинуть свои душевные дела на второй план, – говорил тем же тоном он, еще чуть-чуть и у меня его яд будет сочиться из

ушей, – А то я уже хотел взять вместо вас на практику того парня под окнами. От мужчин меньше проблем, знаете ли. . . .

– Женоненавистник, – пробурчала тихо я, чтоб он не услышал, а то за последние мои ругательства он до сих пор дуется, – Вы что-то хотели, Мстислав Юрьевич?

– Да, Евгения, – продолжал ядовито любезничать куратор-мучитель, – Я **ОЧЕНЬ** хочу, чтоб в **МОЕМ** отделении был порядок и медсестры занимались своей работой. А теперь, пожалуйста, закройте окно без его уничтожения и отправляйтесь помогать Маше с уколами!

– Есть, сэр, – приложила я руку к виску и стала выполнять его указания. Только фортуна не на моей стороне. Стоило мне схватиться за ручку створки окна, как та настолько хорошо срослась с моей рукой, словно всегда там была, что вырвалась со всеми болтами из дерева. В следующее мгновение рука от силы отдачи вместе с тяжелой советской ручкой устремилась прямо в лоб Мстиславу Юрьевичу. Светило хирургии падает, как подкошенный на полопавшийся линолеум его же отделения хирургии и держась за голову причитает:

– Сколько же у вас сил? Халк в юбке!

– Вы только не беспокойтесь, Мстислав Юрьевич, ушибы я умею обрабатывать, даже шишки не будет! – заверяла я куратора.

– Интересно на ком вы тренировались, – процедил недовольно мучитель и осторожно поднялся на ноги и отправил-

ся в процедурный кабинет. Семенила покорно за ним, ощущая себя виноватой. Маша обработала наклеывающуюся шишку и уложила врача на кушетку, Мстислав Юрьевич закрыл глаза со стоном и проговорил страдальческим голосом:

– Костоломова, уйдите с глаз моих долой. Молитесь, чтоб у меня не было сотрясения, иначе я лично придушу вас!

Последние слова он произнес с такой злостью, что я, не задумываясь, ему поверила – задушит.

Мстислав Юрьевич

Два окна, одна спецформа, недовольная бабка в отделении, мой спокойный сладкий сон в домашней кровати и не только, переломанная нога пациента, а теперь еще и моя голова. Может, она пыталась мне ее оторвать, а промахнулась? За какой такой проступок я заслужил ТАКОЕ наказание? Совсем забыл перебитые медикаменты в процедурном кабинете.... Раздается звонок мобильника, отвечаю недовольно, прикладывая холодную резиновую грелку к лбу, интересно фингалы будут после такого членовредительства? После Костоломовой больше удивлюсь, если их не будет! Звонит главврач, она спрашивает по поводу моей служебной записки:

– Ну что у тебя там в отделении творится, Киллер? За двое суток получаю вторую служебку. Первая на покупку медикаментов, вторая на установку окна. Ты белены там объелся или совсем охренел? Где я столько денег тебе возьму?!

– Не знаю, – бурчу я, – Это все ваша студентка уничтожила, еще и меня покалечила. А это будет считаться производственной травмой?

– Так, я не поняла, это ты там что ли пожрал все медикаменты и лежишь под кайфом? – злилась главврач.

– Ага, глицином тут балуюсь, знаете ли, – съязвил я.

– Сейчас поднимусь в твое отделение, – прошипела ярост-

но Вероника Андреевна и бросила трубку.

Как и обещал главврач, в отделении она была уже через пять минут. Обычно такой экстренности и оперативной работы от начальства не дождешься. Маша влетела в процедурную, наверное, надеясь меня предупредить, но следом фурией появилась Вероника Андреевна.

– Я так и думала, – констатировала начальница, – Ну не может быть настолько профессиональных врачей без какого-то подкола.

– Это я, Вероника Андреевна, – за спинами Маши и главврача раздался голос Евгении.

– Что ты? Ты его заставляла принимать медикаменты в лошадиной дозе? – нервничала начальница.

– Нет, – пропищала недоразумение, – Я ему шишку поставила, разбила...

– Мое профессиональное сердце, – перебил девушку я, если сейчас из нее признания польются потоком, то ей явно не светит никогда работа в больнице даже санитаркой, несмотря на знакомство с глав врачом.

– Что за цирк вы тут устроили! – злилась главврач.

– Это не выносимо. Не выносимо работать в отделении, где все рушится! – решил изобразить творческий кризис, во всяком случае, я найду себе работу, в отличии от горюши, – В отделении была утечка медикаментов, я раскрыл окна, одно рухнуло мне на голову, другое вдребезги!

Для пушей убедительности развел в стороны руки и про-

голосил последнее слово. Вероника Андреевна внимательно присмотрелась к стенам процедурной, от ее глаз не утаился покошенный железный шкаф с медикаментами, который тоже пострадал от рук студентки. Главврач вышла из кабинета и прошла по коридору – открытое окно напротив поста медсестры с оторванной ручкой, подранный линолеум, осыпавшаяся краска на стенах. Она заглянула в мой кабинет – на полу штукатурка, разбитое окно с пробитой в нем дырой.

– Я согласна с ремонтом в отделении, но, Мстислав Юрьевич, согласишься, что та дыра в окне твоего кабинета размером с мою голову не катит на саморазрушение здания больницы! Ты что головой бился в стекло? Ради ремонта что ли? – вернулась в процедурную главврач. Горюша хихикнула, я снова потер нервно переносицу, набрал в легкие побольше воздуха и выдал виновато:

– Да. Да! Я сделал это, потому что в этих полуразрушенных стенах можно задохнуться!

– Ну ладно тебе, Киллер, я выпрошу ремонт на твое отделение у администрации, но больше так не делай. А может, ты к Артуру Эдуардовичу на сеансыходишь? – говорила примирительным тоном Вероника Андреевна, при этом засылая меня к мозгоправу.

– Вероника Андреевна, я в порядке, – попытался заверить я, встал с кушетки и сделал вид адекватного человека, в чем я сам стал сомневаться после появления горюши.

– Что за безвкусный свитер на тебе?! – воскликнула брезгливо женщина, Маша, все еще присутствующая в кабинете, густо покраснела, а я попытался побыстрее сменить тему:

– Ну, так в моем кабинете ветра гуляют, Вероника Андреевна! Пойдемте, я покажу вам!

– Ой. Не надо, – потеряла виски женщина и сказала деловым тоном, – Я все видела. Возьми выходной что ли, ото спишь, приди в себя, выглядишь ужасно, особенно в этом....

– Спасибо, дорожайшая начальница, – перебил бесцеремонно я. Никогда не любил подлиз и подхалимов, но сейчас приходилось прибегать к крайним мерам, чтоб Маша совсем не побагровела. Свитер вышел очень теплым, но рисунок совершенно "съехавший с катушек", наверное, как и я сейчас в глазах своего начальства. В характеристике на новое место работы мне наверняка припомнят этот инцидент. Вероника Андреевна с довольной улыбкой мне погрозила пальцем и удалилась. Я выдохнул. С каждым днем все страшнее выходить на работу, что будет дальше? На днях придется наведаться в магазин спецодежды и заказать бронежилет, а еще противогаз, огнетушитель личный и наручники одной очень криворукой дамочке. Ухмыльнулся собственной мысли, смотря на Женю и представляя ее в наручниках.

– Вы чего так ухмыляетесь? – почувствовала неладное горюша.

– Да думаю, что кому-то сегодня спасли непутевую задницу, – сверкнул глазами я, ощущая власть над бедной Евгени-

ей, – Ой, теперь вы в неоплатном долгу, Женечка.

На последнем слове я понял, что попал скорее я, чем она.

Мстислав Юрьевич

Евгения покраснела после моих слов, потом взяла себя в руки и гордо вскинув свою чуднУю головку пролепетала:

– Вас никто об этом не просил! Пожалуйста, – хитро сверкнула глазами. Это за что еще я должен ей спасибо сказать, нет бы самой отблагодарить хоть за то, что не вылетела сегодня с практики. Возмущение нахлынуло волной. Что за упертая, самоуверенная коза?

– С чего бы пожалуйста? Мне сказать вам спасибо, что разрушили половину больницы, а собственно на эту половину пришлось почему-то именно мое отделение? – не выдержал я наглости студентки.

– Хотя бы за то, что теперь у вас отремонтируют отделение, – ответила Евгения, всмотрелся в ее горящие глаза. Сейчас почему-то обратил внимание на то, что они у нее безумно красивые. Глаза синее, глубокие, насыщенные, с оттенком зелены. Море напоминают во время шторма.

Перевожу нехотя взгляд на Машу и пытаюсь привести мысли в порядок. Раздрай в чувствах и голове.

– Маша, вы сделали уколы пациентам? – спрашиваю я, вспоминая о работе, только бы отвлечься от пытливого взгляда Евгении.

– Ой, – пискнула испуганно Мария, покраснела и повер-

нулась к Костоломовой, – Женя, идем скорее в процедурный кабинет делать уколы.

Девушки вышли из кабинета, а я выдохнул. На сегодня с меня хватит приключений. Переделся в повседневную одежду. Отправился домой, по дороге зашел в магазин за продуктами.

На следующее утро прихожу в отделении, а там всю идет ремонт. Совсем забыл вчера сообщить горюше, что она будет работать в дневную. В любом случае, если она не придет, мне даже будет спокойнее. Оля встретила меня с улыбкой:

– Мстислав Юрьевич, доброе утро.

– Доброе, Оля, – ответил я медсестре, потом развернулся на пятках и отправился в процедурную. К моему несчастью наткнулся на полуголую Евгению. Она стояла спиной ко мне, откинула в сторону кофточку, натягивала на свою русоволосую голову спецодежду. Стою, как замороженный и не могу ни отвернуться, ни уйти из кабинета. Только, когда спецодежда закрыла все стратегически важные и весьма аппетитные участки тела девушки, я смог отвести взгляд и выйти из процедурной. Выдохнул, оказавшись в коридоре. Все это время я даже не дышал. Отправился в туалет, умылся холодной водой, стараясь выгнать из головы непрошенные мысли. Вот что меня черт двинул зайти в эту процедурную, сразу надо было идти в свой кабинет. Минуты три еще смотрел в зеркало, но не видел там своего отражения. Перед глаза-

ми стоит обнаженная спина Костоломовой. Наваждение какое-то.

– Мстислав Юрьевич, – появился словно из неоткуда маляр, – Мы вас потеряли. Хотели сообщить, что часть отделения нужно освободить от людей.

– Сейчас что-нибудь решим, – сухо отозвался я. Слабо представляя себе картину, как сделать безлюдным полное пациентов отделение. Возвращаюсь на пост медсестры, подхожу к Оле и говорю:

– Надо временно пациентов из отделения отправить в соседнее, я сейчас договорюсь с неврологией.

– Ну так вы сначала договоритесь, Мстислав Юрьевич, – пробурчала недовольно Ольга, видимо, до сих пор обижается на меня из-за четырнадцатого февраля, – Я, конечно, скажу практикантке, чтоб она помогла мне собрать вещи пациентов, но сначала нужно знать, куда мы идем.

– Проконтролируй все лично, Оля, – пригрозил я пальцем для пущей убедительности, а сам отправился в неврологию просить приюта. Вот будет веселая неделька. Разрываться между своим отделением, который по сути превратят в руины и неврологией, где будут располагаться пациенты. Но неврология грубо и жестко нам отказала в приюте, мол не царское это дело переломанных в их отделение особо чувственных людей. Ну на нет и суда нет, как говорится. Иду хмурый в лор отделение, в крайнем случае будем прибегать к помощи главврача. К счастью лор врач ничего не имел

против, попросил разок прикрыть его, когда захочет прогулять и принял с распростертыми руками. В отделении лежало немного людей, точнее человек пять, остальные палаты я заприметил для своих пациентов.

Евгения

Оля мне сказала, что нужно выводить людей из отделения. Я помогала в первой палате, она во второй. Больше я в ту палату ни одной ногой, хоть стреляйте, пока там эта старушенция. Вежливо прошу людей дожидаться приказа заведующего отделением, они покорно ждут на сумках. Вокзал какой-то, ей богу. Иду в третью палату, в коридоре столкнулась с Мстиславом Юрьевичем.

– Евгения, все самостоятельно передвигающиеся пациенты могут отправляться в лор отделение, – говорит он гордо, словно взял какой-то город измором. Вот индюк. Прямо бесит, после его последнего выпада в мою сторону! Даже спасибо за ремонт не сказал.

– Хорошо, – говорю я быстро и отправляюсь в следующую палату собирать с пациентами их вещи. Сегодня будет насыщенный день, чувствую упаду от этой беготни в кроватку и не сдвинусь больше ни разу. Когда, спустя часа два, мы перетасили эти неподъемные тюки с дребезжащими тарелками и бутылками воды, пациенты уже сидели на своих свежезаправленных кроватях в лор отделении. Оля и я вернулись в наше и стали дожидаться очередного приказа заведующего. Медсестра утерла пот со лба и мучительно проговорила:

– Что он удумал этот проклятый ремонт делать? Мне еще

вечерние уколы ставить, а я уже выжата, как лимон!

– Я помогу тебе, – проговорила виновато я, ведь это из-за меня вся эта вакханалия происходила, хотя сама валилась с ног.

– Чего стоите? У нас еще пять лежачих пациентов остались в отделении! – появился из-за Олиной спины Мстислав Юрьевич, весь заряженный энтузиазмом. Откуда в нем столько сил? Хотя если вспомнить, он ничего совершенно не помогал переносить, только показывал пальцем что и куда класть. Командир хренов! Оля возмущенно проговорила, что увольняется, больше ее сил на это нет. Мстислав Юрьевич с самой очаровательной улыбкой на земле говорит тогда мне:

– Идемте, Евгения, вам деваться некуда, так что будете помогать!

– Что? – успела лишь пропищать я недовольно. Это вообще-то незаконно привлекать практиканта к тяжелому мужскому труду. Мстислав Юрьевич схватил меня за руку и потащил за собой в палату. Мысли сразу куда-то улетучились, все ощущения сосредоточились на его горячей руке, моя иглочками приятными зашла, непередаваемое ощущение. Иду покорно за мучителем, при этом понимая, что меня нагло будут эксплуатировать, зато испытала непередаваемые ощущения рядом с ненавистным мне индюком. Наверное, совсем голова от усталости перестала работать. Мы резко остановились, рука Мстислава Юрьевича отпустила

мою. Мозг вернулся на свое место, в какой-то момент мне показалось, что там так и останется это расплавленное желе, не способное мыслить адекватно.

– Вы берете его за спину, я за ноги, – командует Мстислав Юрьевич и исчезает куда-то. Я остаюсь один на один с огромным толстым мужиком, которого каким-то чудом должна поднять за спину. Если он отъелся в отделении так, то никогда теперь не поверю, что больничная еда несъедобна. Мысленно сравнила его вес и мой, тут, очевидно, проигрываю я раза так в четыре. Поворачиваюсь назад в поисках помощи, заведующего след простыл, а деваться некуда. Ради блага этого человека, чтоб он не задохнулся строительной пылью в одиночестве по моей вине, я и только я должна ему помочь. Подхожу к мужику со спины, хватаю его за подмышки и начинаю бессильно буксовать: руки держаться за пациента, при чем увязли в его жирных складках, а ноги убегают в сторону коридора. Ничего, есть такая поговорка – глаза бояться, а руки делают.... Закрыла глаза, придвинула ноги поближе, снова та же картина – руки утонули подмышками, а ноги соскользнули прочь. В этот раз я еще и лицом впечаталась в спину пациента, тот даже довольно что-то замычал. Смотрю под пятую точку пациента и понимаю, что он даже на миллиметр не сдвинулся. Даже плакать захотелось. Когда я уже хотела пойти на третью попытку покорения неприступной горы, в дверях появился Мстислав Юрьевич и так и застал меня впечатанную лицом в спину пациента:

– Евгения, я, конечно, не сомневаюсь в ваших физических возможностях, после всего, что произошло в нашем отделении, но пациент весит сто сорок килограмм, а вы от силы пятьдесят. Представляете себе, что будет с вами, если вы его все-таки поднимете на руки?

– И что вы предлагаете? – отпечаталась я от потной и солевой спины пациента.

– Отойдите, – сухо бросил Мстислав Юрьевич, подошел ко мне, взял за плечи и развернул к двери, чтоб не мешалась, – Ребят, заходите.

В следующий момент появляются рабочие, которые делают ремонт в отделении вместе с железной каталкой. Мужчины поставили ее около кровати пациента, потом подхватили ВТРОЕМ его и перевалили осторожно на каталку. Мстислав Юрьевич повез пациента в соседнее отделение, рабочие шли следом, а я открывала по пути все двери. Зареклась, что приду домой – искупаюсь раз двадцать, потому что пропахла вся салом и потом после своих тщетных попыток сдвинуть гору.

Под конец дневной смены, ощущала трясущиеся ноги и руки от усталости, голова периодически отключалась. Села на посту лор отделения вместе с Ольгой и Аней – медсестрой этого отделения, поняла, что даже не дойду до дома.

– Он все соки из тебя выжал, садист пандоглазый, – сказала устало Оля.

– Почему пандоглазый, – буровя от усталости спросила я.

– Потому что с синяками под глазами, как у панды, – за-

смеялась Аня. Стала судорожно вспоминать лицо Мстислава Юрьевича, понимая, что действительно шишка с лба, поставленная накануне, перекинулась на глаза. Я даже не заметила этого. Опустила голову на руки, лежащие на столе. Так бы и заснула, если бы Оля не толкнула меня в бок со словами.

– Возьми, до конца смены три минуты, выпьешь, полегчает.

Подняла голову, в руках оказалась рюмка с водкой. Хотела сказать, что не пью такие крепкие напитки, но Оля сама влила в меня эту гадость, от которой я закашлялась. После этого голова отключилась окончательно. Не помня себя, зачем-то отправлюсь в отделение хирургии, по-моему, нужно было что-то принести из процедурного кабинета. Иду в потьмах, свет тут отключили несколько часов назад, чтоб побелить все потолки. Основываясь только на свои шесть чувств, при том, что шестое работало за все остальные, иду петляя по коридору. Ужасик напоминает какой-то. Ночь. Темно, Вокруг ободранные стены отделения. И я пьяная и усталая прусь за каким-то чертом. Схватив бинты в процедурном кабинете, выскакиваю с криком победителя в коридор и вижу огромную тень около поста медсестры. Сердце ухнуло в пятки. Зачем-то заорала, как сумасшедшая, наверное, от испуга. Дальше слышу шум, громкое падение, матюки. Осторожно по стеночке крадусь в сторону ругательств. Трясущимися руками набираю пароль на телефоне. Не верно. Не верно. Да чтоб тебя! На какой черт спрашивается я

ставила его? Вот так нападет на меня маньяк, хрен введешь проклятый пароль. Наконец, получается разблокировать телефон, включаю фонарик и вижу мужика, сидящего в белой луже, с ведром на голове и орущего матом на все полуразрушенное отделение. Пятой точкой сразу почувствовала, что это Мстислав Юрьевич, хоть до последнего надеялась, что это все-таки какой-нибудь маляр. Он-то меня должен понять в такой ситуации.

– Никогда бы не подумала, что светило хирургии может знать столько матерных слов, – заикаясь проговорила я.

– Костоломова, – как диагноз какой-то хвори выдохнул мою фамилию куратор, – Почему я не удивлен?

Он взмахивает бессильно руками, все также сидя в луже побелки и с ведром на голове. Я нервно хихикаю. Пятая точка оказалась, к моему сожалению, права. Подхожу ближе к заведующему отделению и поскользываюсь на луже побелки, растягиваясь около него. Впервые в жизни села на шпагат. Теперь бы встать только, не разорвав к чертям собачьим свои мышцы.

– Костоломова, помоги мне снять ведро с головы, – просит Мстислав Юрьевич. А мне стыдно признаваться, что сама села в лужу, да еще и в таком положении, поэтому спрашиваю высокомерно:

– А вы сами что не справитесь?

– Евгения, пожалуйста, помогите мне с ведром, – снова просит Мстислав Юрьевич. А я оглядываюсь в поисках сво-

его мобильного. Упал из рук куда-то при падении, наверняка, теперь разбился.

– Я не могу, – признаюсь виновато я.

– Костоломова, это по вашей вине я сижу сейчас с ведром побелки на голове, неужели вам трудно мне помочь? – сердится куратор.

– Да, трудно, – отвечаю я, пытаюсь встать, никак не получается, ноги скользят в разные стороны и мышцы жутко болят. Главное, чтоб никто нас в таком виде не заметил, это же будет скандаль.

– Я прибью тебя, дай только сниму это чертово ведро! Ты понимаешь, что оно застряло у меня на голове! – орет, как сумасшедший Мстислав Юрьевич.

– Понимаю, – говорю страдальческим тоном я, – Но ничем не могу помочь.

– Ну, погоди, Костоломова! Я тебя в ночную смену оставлю за такие шутки! – продолжает орать Мстислав Юрьевич.

В этот момент загорается свет и около выключателя стоит Оля. Она ко рту приложила ладошку, переводит шокированный взгляд с меня на Мстислава Юрьевича, а потом заливается смехом. Я краснею, как помидор. Мстислав Юрьевич продолжает материться, таких слов в русском языке даже я не слышала. Невольно прикрываю уши испачканными в побелке руками. Как только у Оли заканчивается приступ смеха, она подходит осторожно ко мне, подхватывает подмышки и поднимает из лужи. Мои полусухожильные мышцы и боль-

шие ягодничные не скоро это забудут. Оказавшись на ногах, понимаю, что согнуться теперь не скоро смогу, буду ходить месяц как робот. Оля продолжает смеяться над моими движениями в сторону Мстислава Юрьевича. Оказавшись около него, пытаюсь снять с его головы ведро, только тот застрял в нем намертво.

– Придется резать, – констатировала я.

– Что вы там резать своими кривыми ручками собрались? – продолжает нервно орать Мстислав Юрьевич, от этого Оля заливается очередным приступом смеха.

– Ну а кто вам виноват, что вы такую тыкву себе отрастили?! – злюсь я.

– Евгения, вы только что назвали голову светила хирургии этого города ТЫКВОЙ? – говорил спокойно, словно отчитывал меня Мстислав Юрьевич, а на последнем слове сорвался.

– Ну не я же в ведро головой, как страус спряталась от опасности, – говорила я, нервничая все больше.

– Давай Мстислава Юрьевича в приемный покой отведем, – предложила успокоившаяся Оля.

– Ага, конечно, – нервно хихикнул светило, – Там хирург один дежурит, и вы не поверите, ЭТО Я!

В этот раз даже я засмеялась, ощущая сильную боль в мышцах ног после первого в жизни шпагата. Вот так картина, приводим мы его с ведром на голове в приемный покой и сидит он всю свою жизнь, ожидая себя же. А как только раскроется, что больничный хирург попал в такую щекотли-

вую ситуацию смеха то будет. Мне даже кажется Вероника Андреевна поспешит посмотреть на такое чудо, даже в нерабочее время. Успокоив приступ смеха, подхожу в очередной раз к Мстиславу Юрьевичу и тяну со всей силы на себя ведро с его головы, тот взмолился:

– Оленька, скажи мне, пожалуйста, что это ты сейчас пытаешься снять ведро с моей головы.

– Нет, Мстислав Юрьевич, – отвечает Оля.

– Костоломова, помоги мне подняться, не отрывай только голову, – говорит также срываясь на рыдания Мстислав Юрьевич.

Я хватаю его за руки, пытаюсь поднять. Не знаю, что он вылил из этого ведра, только определенно там был применен еще и какой-то клей, потому что, как только Мстислав Юрьевич поддался вверх, нас сразу же отпружило назад. В итоге, Мстислав Юрьевич лежит в белой лужице, а я на нем сверху. Оля говорит грозным голосом:

– Если вы не прекратите заниматься самокалечиванием, то скоро окажетесь в нашем отделении в роли пациентов. Для закрепления результата, я вас положу на рядом расположенные койки.

После такого заявления Мстислав Юрьевич перестал дергаться подо мной и поднял руки в знак капитуляции.

После того, как с головы светила хирургии все-таки, сняли железное ведро. Пришлось вызывать МЧС, которые воспользовались тем, что Мстислав Юрьевич не видит ничего из-за "небольшого" препятствия, и сняли на видео такое зрелище. Выложенное в ютуб я лично просматривала раз двадцать. Ведро разрезали ножницами по металлу под крики моего куратора отборным русским матом. В этот момент я просветилась еще на некоторую добрую сотню новых слов в своем скудном матерном лексиконе. В итоге обещание Оля сдержала, мы лежим на соседних койках в лор отделении в отдельной палате. Я с перебинтованными ногами, а Мстислав Юрьевич с головой. Час мы выдержали молчаливо, мне даже показалось, что светило хирургии на что-то дуется, показывая так свое недовольство. Ошиблась. Он просто собирался с мыслями после бурного потока матерщины.

– Евгения, вы хоть представляете, какой будет утром скандал. Едва произошедшее дойдет до ушей главврача, мне достанется по первое число, – говорил спокойно холодным тоном Мстислав Юрьевич, когда я уже собиралась поспать спокойно.

– За вашу нецензурную лексику или вызов отряда МЧС в отделение хирургии? – решила уточнить я.

– Костоломова! Я сейчас готов придушить вас! – зло

фыркнул светило.

– Ну вам ничего не мешает, руки-то у вас не переломаны, только на голове повязочка, – фыркнула я в ответ.

Спиной почувствовала сверлящий злой взгляд Мстислава Юрьевича, потом услышала скрип кровати. Он что решил воплотить свой личный план мести? Оборачиваюсь лениво, чтоб не заметил моего явного страха его расправы.

– Я водички попить, расслабьтесь, – улыбнулся хитро он.

– Да я и не напрягалась, – ответила я недовольно.

– А стоило бы, – буркнул он, – До утра в наказание будете учить анатомию наизусть.

– Вот уж, – усмехнулась я, повернувшись к стенке, – Пока у меня свободное от работы время, я буду спать. А вы если хотите так учить свою анатомию, вам никто не мешает. Можете выйти в коридор и читать вслух книги. Я люблю молчаливых и тихих соседей по палатам.

На этом мы оба замолчали. Не успела я погрузиться в легкий, приятный, сладкий сон, как услышала истошный храп. Очередная операция, которой руководила лично я, накрылась медным тазом. Пациент даже не успел отключиться под наркозом, и тут этот! Резко поворачиваюсь лицом к храпящему во всю глотку телу и начинаю ерзать на месте. Пытаюсь встать со своей кровати, но перебинтованные ноги не дают даже сесть толком, отзываясь неприятной болью в мышцах. Бессильно простонав, легла обратно. Взяла с тумбочки пластиковую бутылку и кинула в Мстислава Юрьевича. Тот рас-

пахивает испуганно глаза. Бутылка пришлась ему как раз в нос. Ой, что сейчас будет! Мужчина поднимается со своего места, вскакивает на ноги и начинает орать:

– Вы совсем что ли сума сошли? Чего кидаетесь?

– Выскользнула, – делаю совершенно невинный вид я, хлопая глазами.

– Выскользнула? – повторил Мстислав Юрьевич, у него задергался глаз и кровь из носа полилась. Хоть бы не сломала, он ведь еще громче теперь храпеть будет!

– Да, – пискнула я с тем же беззаботным видом. Мстислав Юрьевич погрозил мне пальцем, другую руку прижал к кровоточащему носу и вышел из палаты. Я выдохнула. Вернулся он уже в компании Маши. Та посмотрела на меня осуждающим взглядом, мол убийца светил хирургии, нельзя так! Потом села на стульчик около двери, сложив ручки на коленках, как послушная школьница. Мстислав Юрьевич с огромными ватными тампонами, казалось они вот-вот вывалятся из него поочередно, в носу лег на свою койку и сложил руки на груди. Машенька достала из кармана небольшую книжицу и стала читать:

– Анатомия – это наука, изучающая строение человека, его органов и тканей. Физиология – это наука, изучающая процессы жизнедеятельности человека, его органов и тканей. Обе эти науки имеют один объект изучения – это человек. При изучении организма человека используются разные методы. Их можно разделить на прижизненные (например,

аускультация) и постсмертные (например, препарирование). Есть методы, которые используются и на живом человеке и на трупе (например, антропометрия).

– Господи! – зарычала теперь я, закрывая лицо подушкой, – Машенька, ну ладно этот индюк утоляет собственное эго, но почему ты так меня мучаешь?

– Женя, меня Мстислав Юрьевич попросил почитать на ночь лекции по анатомии, я ни в коем случае не хочу тебя обидеть, – ответила виновато Маша.

– Мстислав Юрьевич, – обратилась я к врачу, снимая с головы подушку, – Я хочу в комнату для принцесс.

– Простите, Евгения, куда вам нужно? – спросил Мстислав Юрьевич, повернувшись ко мне в пол-оборота.

– В комнату для принцесс, – густо покраснела я, пытаюсь объяснить мучителю, что мне нужно как-то встать и выйти в коридор.

– А почему не для королев, вы себя не до оцениваете, Евгения! – говорил, улыбаясь гад.

– Мстислав Юрьевич, я помогу Жене, – вызвалась на помощь Маша. Она отложила книжицу на нашу совместную прикроватную тумбочку, подошла ко мне и помогла встать с кровати. Ощувив весь спектр ощущений от потянутых мышц, я оказалась на ногах. Маша улыбнулась и участливо поинтересовалась:

– Ты справишься?

– Конечно, – выдавила улыбку я, когда Маша оказалась на

своем стуле, взяла в полусогнутом состоянии свою подушку и швырнула в Мстислава Юрьевича, констатируя факт:

– Вы просто невыносимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.